

Языковые структуры социальных фреймов

Сафронов Пётр Александрович

научный сотрудник

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: peter.safronov@gmail.com

Совокупность запечатлённых языковыми средствами пространственных положений, которые может принимать человеческое тело, образует одну из первых по времени возникновения и наиболее естественных систем концептуализации окружающего мира. Узловыми элементами соответствующей категориальной схемы являются так называемые «статальные» глаголы: *лежать*, *сидеть*, *стоять*. Нас интересует то, какой мир связывается с ними в мышлении и социальной деятельности человека.

Лежание, *сидение*, *стояние* как физические действия несомненно формируют матрицу их восприятия на других уровнях пространства. Это выражается в соотношении глаголов рассматриваемой группы с непродуктивной, бессмысленной деятельностью, когда речь идёт о духовной жизни человека.

В социальном пространстве семантика статальных глаголов наполняется новыми обертонами. Последовательность этих глаголов соотносится с последовательностью социальных статусов. Более того, они нередко призваны визуализировать и наглядно представлять различие, даже иллюзорное или временное, общественного положения:

Лежать или *сидеть* в присутствии других людей, могут, как правило, лица, обладающие более высоким статусом или какими-либо, хотя бы и временными, преимуществами. Однако эта градация может быть оборачиваема, хотя, как правило, в таком случае статальные глаголы используются в переносном значении.

Глагол *сидеть* вообще занимает особое место в описании социального пространства. С его помощью обозначается целый класс квазидействий, только имитирующих реальное включение в социальный контекст, хотя возможно прагматически соответствующих личным потребностям индивида:

Оппозиция *сидеть* – *заниматься делом* является чрезвычайно типичной для конструирования социального опыта в современной русской картине мира. Описание социального действия здесь далеко превосходит чисто топологические рамки, превращаясь в универсальное описание симулятивного производства, лишённого какой бы то ни было целесообразности и «непрозрачного» для исполнителей. Это в особенности касается различных видов деятельности, связанных с физическим, моральным или административным принуждением. Следует заметить, что социально маркированными являются не только *лежание*, *сидение* и *стояние* сами по себе, но и обстоятельства осуществления этих действий. Топология описываемых действий имеет, как видим, социально значимый эффект. Это, в свою очередь актуализирует задачу социолингвистической топографии, соотносящей место действия и его социальный статус. Так, например, достаточно очевидно, что стоящие или сидящие *в очереди*, метафорически говоря, никогда не имеют «первого номера».

Пространство и занимаемое в нём положение отделены от воли и желаний человека. Действия человеческого тела как такового получают преимущественно негативное определение. Пространство не «помогает», а «мешает» человеческому телу. Поэтому *определённая* поза - лёжа, сидя, стоя - оказывается попросту невозможна. Окружающее пространство как бы «выдавливает» тело из одного положения в другое. А само тело становится своего рода пассивной пластичной массой. Геометрия пространства, задаваемого рассматриваемыми глаголами, – это геометрия пассажира в битком набитом трамвае. Рассматриваемые глаголы обозначают своего рода пустые действия или действия нулевой степени и обесценивают любую социальную активность. Семантика статальных глаголов тесно переплетена с идеей чистого наличия в мире. В

каком-то смысле *просто* существовать, это и есть *лежать*, *сидеть* и *стоять*. Это существование самодостаточно, оно не нуждается в насыщении ментальными или социальными предикатами. Использование этих глаголов для описания социальной деятельности минимизирует личную ответственность человека за свои действия и даже позволяет ему устраниваться, занять точку зрения внешнего наблюдателя по отношению к самому себе.

Последовательность глаголов *лежать*, *сидеть*, *стоять* задает определённую структуризацию внутри социального пространства: сидеть и тем более лежать могут только высокопоставленные лица. Вообще *удобно* стоять нельзя, но можно и *удобно* сидеть, и *удобно* лежать. Интересно, что данная схема допускает возможность инверсии: *все лежали у его ног*. Напрашивается аналогия с «оборачиваемостью» социальных порядков: *кто был ничем, тот станет всем*.

Взятые в единстве физического, ментального и социального аспектов рассматриваемые глаголы, как они функционируют в современном русском языке, образуют портрет определённого образа или стиля жизни – жизни советского человека. *Лежать* на диване у телевизора, *сидеть* на работе и смотреть в окно, *стоять* в бесконечных очередях – из этих «действий» складывался его обычный день. Из них же складывается и образ ограниченного, маленького, деформированного пространства: маленького телевизионного экрана, тесного рабочего помещения, душного магазина, узкого интеллектуального горизонта. Образ жизни постсоветского человека отличается не так уж и сильно: мы по-прежнему *лежим* у телевизора и *сидим* на работе или учёбе, разве что почти не стоим в очередях.